

Донна ВАНЛИР

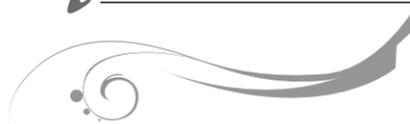
Донна ВАНЛИР

*Рождественские
тайны*

Издательство АСТ
Москва

*Рождественская
тайна*

A decorative flourish consisting of a thin, light-colored line that curves upwards and then downwards, ending in a small spiral. A thicker, grey, ribbon-like shape follows the curve of the line, starting from the end of the thin line and extending to the right, underlining the word 'тайна'.

*Посвящается Анджеле Джентри,
которая каждый день верит в лучшее*

A decorative flourish consisting of a vertical line that curves to the left at the top, forms a small loop, and then curves back to the right at the bottom, ending in a small dot.

Благодарности

Выражаю особую благодарность:

Трою, Грейси, Кейт и Дэвиду за вечерние игры, парады на лошадях-скакалках, совместные заплывы, поездки в кемпинги, блинчики, встречи с мамой в ресторанах «Чик-фил-Э» и «Жасмин» и особые вечера.

Эсмонд Джен Г., Салли Джен Е., Саре, Мэтту, Таре и Рейчел Экстром (добро пожаловать в команду!) за веру в меня.

Сотрудникам ресторанов «Мериди» и «Меркантайл» за отличную еду и удобное место для работы.

Мери Уикли за неоценимую помощь дома.

A decorative flourish consisting of a vertical line that curves to the left at the top, ending in a small circle. It then curves back to the right and down, ending in a larger circle.

*Мы водим хоровод, предполагаем,
А Тайна в центре, лишь она все знает.*

Роберт Фрост*

Пролог

Своего отца я не знала и даже не знала, кто так решил — моя мать или он сам. Помню, как по вечерам мама мыла посуду и вглядывалась во тьму за окном, словно ждала кого-то. На лице ее застывало странное выражение: не то тоска, не то отчаянная надежда на несбыточное. Теперь трудно вспомнить. Со временем она погружалась в это состояние все глубже.

Мне было десять, когда я впервые заговорила об отце. Мы с мамой готовились к Рождеству: вытащили искусственную елку из гаража, установили пластиковые Санту и северного оленя на лужайку перед домом. Помню, как колотилось от волнения сердце, пока мы выкладывали бабушкины фарфоровые статуэтки из коробки с елочными игрушками. Я взяла фигурку коровы и поставила ее на журнальный столик. Я мучительно подбирала слова, понимая, что больше не могу об этом молчать.

— Скажи, ты бы хотела, чтобы папа жил с нами? — спросила я у мамы, не сводя глаз с бело-голубой фигурки коровы.

Мама продолжила молча доставать игрушки, и ее руки двигались быстро-быстро.

---

* Роберт Фрост (1874–1963) — один из крупнейших американских поэтов (здесь и далее — примеч. перев.).

— Жил-был король, — вдруг произнесла она, пристально рассматривая меня поверх очков.

— Где? — тут же поинтересовалась я.

— Ммм, — сказала мама, протирая головку пастушка полой рубашки. — Очень далеко отсюда. Как-то раз он решил установить посреди дороги огромный валун.

— И как же он его туда притащил? — Я развернула бумагу и вынула игрушечного ягненка.

Мама помолчала.

— Не знаю. Наверное, запряг быка.

— Разве один бык может сдвинуть целый валун?

Мама вздохнула и поправила очки на переносице.

— У него было шесть быков.

— А это не слишком много?

— Сколько же, по-твоему, ему нужно быков?

Я как следует обдумала этот вопрос, пока разворачивала фигурку младенца Иисуса.

— Четыре.

Мама покачала головой и присоединила к остальным фигуркам игрушечную Деву Марию.

— Ну хорошо, пусть будет четыре. Быки вытащили валун на дорогу. Король приказал окатить его водой, чтобы вокруг стало грязно, а сам спрятался и начал наблюдать за путниками. Придворные и солдаты ворчали, когда обходили валун по грязи. Богатые торговцы и знатные люди из соседних стран ругали плохие дороги, но никому и в голову не приходило убрать препятствие с пути. — Мама обложила рождественские фигурки пучками соломы. — А однажды мимо шел крестьянин с мешком.

— Что было в мешке? — спросила я. — Конфеты?

— Ну разумеется, — ответила мама, убирая оберточную бумагу в коробку из-под игрушек. — Увидев валун, крестьянин положил мешок на землю, подобрал ветку потолще, подsunул ее под валун и уперся изо всех сил. Как думаешь, что было дальше?

— Валун не сдвинулся с места!

— Ни на волосок! Тогда крестьянин встал на другой конец ветки и запрыгал по ней что есть мочи. Он прыгал, и прыгал, и прыгал... И?

— И ничего! — сказала я, хватая малютку Иисуса.

— Поставь фигурку на место! — строго велела мама. — Да, он не только не сдвинул камень, но и сам упал в грязь и сильно испачкался. Тогда крестьянин огляделся вокруг и увидел вдалеке быков. Они двигались как раз в его сторону.

Я взяла двух волхвов с флакончиками, наполненными миррой и ладаном, и стала играть с ними, будто они разговаривают.

— Поставь на место, разобьешь! — Мама отобрала у меня игрушки и продолжила: — Быки учуяли запах конфет.

Я изумленно уставилась на нее.

— Они ведь были далеко, как же они учуяли конфеты в мешке?

— У быков большие ноздри.

— Размером с блюдца, что ли?! — удивилась я, переставляя Иосифа поближе к яслям.

— Анджела Кристин! — не выдержала мама.

Я вздрогнула. Мама дала мне двойное имя в честь моих бабушки и прабабушки. Обычно она называла меня просто Кристин, а полным именем и сквозь зубы — только когда сильно злилась.

— Это неважно! — Она фыркнула, словно самый настоящий бык. — Ты можешь просто дослушать?! Крестьянин запряг быков при помощи той ветки и виноградной лозы и убрал камень с дороги. К его удивлению, под валуном оказался красный бархатный мешочек с золотыми монетами и запиской.

Я забралась на диван, подбросила подушку к потолку и поймала ее.

— И что там было написано?

Мама села рядом и положила мои ноги себе на колени.

— Там было написано: «Спасибо, что убрали валун с дороги. В знак благодарности примите мешочек с золотом». Подпись: «Король». Так крестьянин получил важный жизненный урок, к которому рано или поздно приходим все мы.

— Какой? — нахмурилась я, глядя на маму.

— Любое препятствие на пути может сделать жизнь лучше, но перед этим придется немного испачкаться.

Вот так она ответила на мой вопрос об отце.

Мама всегда выглядела как кинозвезда. Ее бледную кожу оттеняли темно-рыжие волосы, которые она могла заколоть на макушке или рассыпать по плечам одним движением руки. Она носила очки в черепаховой оправе, из-за близорукости. Мама работала в местной булочной и по вечерам приносила с собой запахи пончиков и кофе и неприменный пакет вчерашнего хлеба и пирожных, изрядно помятых старушками в поисках начинки из сливочного крема. Я часто размышляла о том, как сложилась бы ее жизнь, не будь меня. Внутри нее словно жил другой человек — такой же чудесный, как и тайна, которую она хранила глубоко в сердце.

В том, как мы из года в год отмечали Рождество, не было ничего особенного. Елка, бабушкины рождественские статуэтки и пластиковый Санта — вот и все наши украшения. Мы всегда праздновали вдвоем, так что мама просто запекала цыпленка с картофелем и бобами. В предпраздничные дни мы обязательно писали два письма: одно Санте, где я просила все, что углядела в каталоге подарков к Рождеству, а второе Богу — с благодарностью за то хорошее, что мы могли припомнить: наш дом, мамину работу, Милли (моего плюшевого кролика), Оскара (моего хомяка), страховку, деньги, благодаря которым мы смогли заменить водонагреватель, оплатить счета и купить еду. Со временем мы стали писать только одно письмо, ко-

торое клали под елку. «Чтобы не забыть», — говорила мама. Кто-то бы назвал это скучным, для меня же это было волшебное время!

Да, волшебное время рядом с мамой и безо всяких валунов на пути. Тогда я и подумать не могла, что однажды стану спотыкаться на каждом шагу без надежды на счастливое будущее. Я выросла, и жизнь превратилась в ежедневную гонку, в которой побеждает сильнейший. У всех бывают времена, когда страшно оглянуться назад, но и вперед посмотреть смелости не хватает. Мы превращаем жизнь в ожидание. Вот и я постоянно чего-то ждала: подходящего момента, хорошей работы, зеленого света светофора, чьего-то звонка, приветов из прошлого, начала нового, счастливого будущего...

Однажды я устала ждать. Я хотела знать, ради чего все это. Снова впустить в свою жизнь детское ощущение чуда. Извечный вопрос о смысле существования заставил меня задуматься. Я поняла, что никогда не встречу волшебника страны Оз, сказочного короля или богатого дядюшку Скруджа, и словно очнулась ото сна. Мне захотелось вернуть себе Рождество. Праздник с обычной елкой, когда я до блеска натираю рождественские фигурки рукавом рубашки, держалась за мамину руку в церкви. Для меня стало важным не только понять, откуда передо мной вдруг вырос валун и ради чего мне его обходить, но и заглянуть под него, чтобы обнаружить бриллиант, стереть с него грязь и заявить: «Оно того стоило!» В тот момент мне казалось, что ожидание никогда не закончится, однако спустя время мое унылое прошлое развеялось как дым.

Я так и не сдвинула валун с дороги, у меня не хватило сил. На помощь мне пришли другие люди — и я, наконец, обнаружила свой бриллиант.

Глава первая

Ноябрь, за год до рождественского чуда

У вот опять зима. Мы еще ходим в легких куртках, но за неделю до Дня благодарения город пронизывает студеной ветер, дни становятся сумрачными и холодными. Все заледенело, и каждый выход за дверь превращается в испытание. Когда я была маленькая, в такие затяжные зимы мама обычно говорила: «Сейчас деревья голые и уродливые, они живут лишь надеждой на весну». С годами я стала понимать, что она имеет в виду, и зима в моей жизни наконец сменилась летом.

Уже в четвертый раз я подошла к двери и выглянула в окно. Дорога по-прежнему пуста. Напряжение сковало грудь и голову. «Ну почему подростки не умеют приходить вовремя?!» — мысленно спросила я, возвращаясь к чашке кофе на кухонном островке. Кофе пришлось выплюнуть: он остыл, пока я ждала Элли, одну из нянек своих детей.

— Мам, поиграй со мной? — попросила Хейли, моя пятилетняя дочка. Она сидела на полу в гостиной с двумя игрушечными собаками. — Ты будешь за Брауни, а я за Женевьеву.

Я вновь шагнула к двери.

— Сейчас не могу. Как только придет Элли, я убегу на работу.

Часы показывали без десяти одиннадцать. Я начала злиться и, как всегда в такие моменты, с трудом сдерживаемые эмоции заставили меня побледнеть.

— А я снова летала ночью! — похвасталась Хейли, поднимая Брауни над своей головой, словно та летит.

— Во сне?

— Нет, я проснулась и летала по всему дому!

Я неотрывно смотрела на дорогу.

— Это был сон. Ты постоянно летаешь во сне.

На нашей дорожке лежала газета для миссис Мередит, нашей соседки, и я решила отнести ее той на крыльцо. Миссис Мередит было около семидесяти, мы почти не общались, и я чувствовала, что ей и дела нет до меня и моих детей. Прошлым летом шестилетний Зак случайно попал мячом в ярко-красный гибискус на ее веранде, когда они с Хейли играли на заднем дворе. Зак извинился, однако миссис Мередит это не смягчило. Она не привыкла к детям, шум и беготня явно действовали ей на нервы, так что, когда наш почтальон промахивался и ее газета оказывалась у меня на лужайке, я спешила как можно скорее вернуть ее законной владелице.

Я подобрала газету и направилась к двери миссис Мередит. Услышав щелчок замка, я мысленно застонала и подняла глаза. Старушка в дверном проеме потуже затянула пояс розового халата.

— Опять мне подбросили, — сообщила я, протягивая соседке газету.

Мы редко общались, и всякий раз миссис Мередит едва приоткрывала дверь, видимо, считая меня неблагонадежной особой. Я просунула газету в узкую щель и изобразила легкую улыбку.

— Спасибо, — сказала старушка и поспешно захлопнула дверь, пока я не бросилась ее грабить.

— И вам хорошего дня, — пробормотала я под нос.

На дороге наконец показалась машина Элли, и я поспешила в дом за сумочкой.

— Зак, я убегаю на работу! — крикнула я, заглянув за угол коридора, где находилась спальня сына.

Когда я вышла из дома, Элли все еще восседала в машине.

— Совсем совесть потеряла... — пробормотала я, направляясь к девчонке.

— Элли, будь добра приезжать к половине одиннадцатого. Я не могу из-за тебя опаздывать на работу!

Ее светлые волосы были собраны в пучок, глаза подведены черным карандашом, а крупные серьги-кольца свисали аж до подбородка.

— Ну простите, — проговорила Элли, выходя из машины.

Разбираться с ней мне было уже некогда. Я села в автомобиль и сорвалась с места, поглядывая на часы: десять пятьдесят две. «Безответственная девчонка!» — пробормотала я. Напряжение вылилось в головную боль, и я помассировала шею. Меня давно преследовало ощущение, что я бегаю как заведенная, игнорируя сомнения и неудачи, которые растут, точно снежный ком. Я прибавила скорость, чтобы проскочить Мейн-стрит на зеленый, но не успела. Сердце бешено билось: мне нельзя опаздывать! Я чуть ли не молилась, чтобы начальник не заметил моего отсутствия, однако понимала: — надежды напрасны. Род месяцами изводил меня за опоздания. По радио сообщили время, и я его выключила, чтобы не накручивать себя еще больше.

Изношенные шины противно взвизгнули, когда я повернула на общую для работников ресторана и банка парковку. Хлопнув дверью, я побежала к черному входу. Рене уже выставляла салатные заправки к обеденному наплыву клиентов, и я бросила взгляд на часы: одиннадцать тринадцать.

— Род уже здесь? — спросила я.